

УДК 327(497.11:497.16)"19"
341.7(470)"19"

DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.hle.215-230>

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА, к.и.н., доц.
Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.
Ломоносова
istfilos@gmail.com

Доц. др Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА
Факултет за стране језике и истраживање региона Московског државног
Универзитета „Ломоносов“

**Посредническая роль российских дипломатов
в сербско-черногорских отношениях начала XX века
Посредничка улога руских дипломата у српско-црногорским
односима на почетку 20. века**

История сербско-черногорского сотрудничества в начале XX века была довольно противоречивой. С одной стороны, она наполнена разнообразными фактами, которые свидетельствуют о близости, взаимопомощи и солидарности двух народов. С другой стороны, есть немало примеров серьезных противоречий между династиями балканских государств в начале прошлого столетия. Практически всегда в этих непростых отношениях, в большей или меньшей степени, присутствовал активный участник – Россия. Архивные документы позволяют говорить о том, что наши дипломаты были вынуждены выступать посредниками в те сложные периоды, когда между правящими кругами славянских держав вспыхивали острые разногласия, грозившие крупными дипломатическими и политическими осложнениями. История сербско-черногорских связей не один раз вызывала интерес у исследователей.¹ Данное сообщение является своего

1 Алексий Л., „О српско-црногорским преговорима о савезу 1904-1905“, *Историја XX века, Зборник радова*, Књ. I, Београд 1959; Ракочевић Н., *Политички односи Црне Горе и Србије. 1903-1918*, Цетиње 1981; Хитрова Н. И., *Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878-1908 гг.*, Москва 1993; Хлебникова В. Б., „‘Дух раздора’ или ‘дух единства’: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия“, *Славяне и Россия в системе международных отношений*, Москва 2017 и др.

рода продолжением публикаций, сделанных много лет назад. Хотелось бы познакомить читателей с материалами объемного дела, которое составлялось архивной службой МИД Российской империи на протяжении нескольких лет.² Эти материалы дают полное представление о том, как глубоко были озабочены в Петербурге часто возникавшими конфликтными ситуациями, какими способами русские дипломаты пытались стабилизировать содержание сербско-черногорских контактов.

Под пристальным контролем было все, что касалось Черногорского княжества, так как на протяжении многих десятилетий Россия выплачивала денежные дотации на различные нужды его правительства. Понятно, что русским кураторам было важно, каким образом использует эту помощь черногорский двор, можно ли на него положиться в вопросах, касавшихся внешней политики на Балканах. Особенно тревожила российский МИД перспектива подписания славянскими монархами соглашений, которые в Европе могли бы расценить как военные приготовления. Россия последовательно придерживалась политики статус-кво после подписания Берлинского трактата 1878 г. и ожидала такого же курса от своих славянских партнеров. Между тем, недовольный итогами последней войны с Османской империей, князь Никола предложил правителю Сербии разработать союзнический договор на случай возможных политических осложнений на Балканском полуострове.³ Эта инициатива была связана с событиями в Македонии в 1903 г. От русских дипломатов, работавших в княжестве, факт переговоров сначала тщательно скрывали. В Белграде не просто поддержали инициативу соседей, но даже попытались ее перехватить, составив проект договора на свой лад. Король Петр явно поторопился, когда прислал в Цетине текст соглашения, уже скрепленный своей личной подписью, дав тем самым понять, что Николе остается только согласиться с готовым вариантом. Большой обиды для черногорского господара, считавшего себя значимой фигурой в славянском мире, нельзя было придумать. У него отнимали право вносить поправки в текст договора, то есть играть важную, если не ключевую роль в его разработке. Князь тотчас „забыл“ о секретности и обратился к сотрудникам российской дипло-

2 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3363.

3 Предложение было сделано вскоре после убийства короля Александра Обреновича 29 мая 1903 г. и вступления на престол Петра Карагеоргиевича.

матической миссии с наигранным удивлением: как ему быть, ведь сербское правительство почему-то требует скрыть содержание договора от всех, в том числе и от российских руководителей. Из Петербурга пришел именно тот ответ, какого ожидал черногорский монарх. МИД заявило, что не станет помогать заключению каких-либо соглашений за своей спиной. Тем более, Россия не станет помогать в том случае, если возникнут недоразумения с соседней Австро-Венгрией, опасавшейся любых альянсов Сербии и Черногории.⁴

Судя по донесениям русских дипломатов в Петербург, у Австро-Венгрии были некоторые основания подозревать сербского и черногорского монархов в сговоре. Об этом свидетельствует содержание депеши К.А. Губастова, отправленной из Белграда в сентябре 1904 г. В личной беседе российский представитель упрекнул Н. Пашича в том, что от русской стороны скрыли содержание проекта договора. На что сербский лидер „несколько уклончиво“ ответил, что погружаться в детали договора „может быть в НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ (выделено мною – В.Х.) для самого императорского правительства нежелательно и неудобно.“⁵ В сущности, Н. Пашич подтвердил, что планируемое соглашение может не отвечать принципам российской внешней политики на Балканах. Информация о проекте союзнического договора Сербии и Черногории была доложена самому Николаю II. Царь выразил недовольство маневрами своих подопечных: „Такого рода соглашения лишь кажутся весьма полезными“, - написал он 12 мая 1904 г.⁶ на полях секретной депеши русского министра-резидента. Действительно, возможные трения с великими державами, ревниво следившими за каждым шагом России в регионе, грозили серьезными последствиями. А польза от сговора черногорского и сербского монархов, которые с трудом переносили друг друга, казалась ничтожной. Поэтому министр иностранных дел В.Н. Ламздорф отправил в княжество инструкцию, где говорилось, что для Черногории „безопаснее сохранить за собой свободу действий под покровительством России, чем связывать себя договором без нашей санкции, а следовательно, и без нашей помощи.“⁷ Черногорский монарх привлек российского министра-резидента А.Н. Щегло-

4 АВПРИ. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3363. ЛЛ. 22-24 об.

5 Ibid. Л. 61 об.

6 Ibid. Л. 1. Помета царя стоит на полях секретной депеши министра-резидента А.Н. Щеглова от 30 апреля 1904 г.

7 Ibid. Л. 31 об.- 32.

ва для составления письма королю Петру, в котором сообщил, что не станет нарушать своего главного дипломатического принципа – „не заключать никаких сделок без ведома и одобрения России.“⁸ Российские дипломаты были уверены, что „осторожное и своевременное воздействие императорского правительства увенчалось успехом“,⁹ нежелательный договор не состоялся. Николай II был удовлетворен таким исходом переговоров. Наиболее точную оценку этой истории дал К.А. Губастов. Он с явным облегчением отмечал, что отказ от подписания договора оставил в тени самый опасный вопрос сербско-черногорских отношений – вопрос о будущем разграничении в Старой Сербии и Новипазарском санджаке. На эти земли, остававшиеся еще под властью Османской империи, претендовали в будущем оба славянских государства. К.А. Губастов знал, что уже случались ссоры и стычки по этому поводу между князем Николой и королем Александром Обреновичем.¹⁰ Он предупреждал свое руководство, что если дать волю амбициям балканских элит, то спор о территориях может окончательно испортить отношения монархов. Тогда их примирение будет невероятно трудным делом. Таким образом, своим вмешательством российские дипломаты старались решить сразу две задачи: избежать трений с Австро-Венгрией и не допустить обсуждения крайне опасной для славянского единства темы о будущих границах на Балканском полуострове.

Желая загладить впечатление от случившегося и создать видимость дружеских отношений, Никола Петрович поддержал сербский двор в другом деле. В это время шла подготовка к коронации Петра Карагеоргиевича. Поскольку он оказался на престоле после жестокой расправы над Александром Обреновичем, в Европе отнеслись сдержанно к готовящимся торжествам. Некоторые из приглашенных на празднество высоких гостей ответили отказом посетить Белград. Черногорский князь, напротив, продемонстрировал поддержку дому Карагеоргиевичей и отправил с поздравлениями в столицу Сербии своего наследника Данилу в сопровождении княжеского министра иностранных дел Г. Вуковича. Этим, по словам российского предста-

8 Ibid. Л. 32 об. А.Н. Щеглов по поручению князя Николы составил проект письма, отправленного в Белград.

9 Ibid. Л. 41.

10 Хлебникова В. Б., „Дух раздора’ или ‘дух единства’: в вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия“, *Славяне и Россия в системе международных отношений*, 155-156.

вителя в Белграде, он порадовал своего зятя, „опечаленного отсутствием на коронации членов других царствующих домов.“¹¹ Король Петр публично поблагодарил черногорского князя за оказанное внимание. Однако прежней обиды он не забыл, о чем откровенно заявил во время длительной беседы с Г.Вуковичем. В ходе личной аудиенции в течение двух часов правитель Сербии гневно высказывал княжескому министру иностранных дел свои претензии и жалобы. Вероятно, не случайно в сербской прессе в эти дни постоянно появлялись критические публикации о князе Николе, которого изображали деспотом и врагом славянства. В Цетине газетную кампанию против черногорского двора приписывали инициативе самого сербского монарха. Руководителю российской миссии Никола „горько жаловался на короля Петра. По мнению его высочества, король Петр не только допускает эти злостные обвинения, но даже внушает их из ненависти к дому Петровичей...“¹² С этого момента отношения двух правительств постоянно ухудшались. Громкие заявления об интригах и враждебности раздавались с обеих сторон. В 1908 г. два славянских государства оказались на грани полного разрыва. Была раскрыта так называемая „бомбовая афера“. Черногорская полиция задержала заговорщиков, попытавшихся ввезти в страну взрывные устройства, изготовленные в Сербии. Для российских дипломатов в Белграде и Цетине настали по-настоящему трудные дни. Князь Никола готов был публично делать самые резкие предположения, обвиняя Белград в покушении на его жизнь. Тогдашнему главе миссии П.В. Максимову стоило огромных усилий убедить господаря не торопиться с выводами и не называть никаких имен без достаточных оснований. Погасить разразившийся скандал русским коллегам помогал „сербский агент“ в княжестве Й. Йованович,¹³ который согласовывал с Максимовым каждый свой шаг и старался изо всех сил успокоить черногорский двор. П.В. Максимов высоко оценил выдержку Йовановича, отметив его „весьма спокойный характер.“¹⁴

11 АВПРИ. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3363. Л. 62-62 об.

12 Ibid. Деша Щеглова от 16 октября 1904. Л. 65.

13 Положение Й. Йовановича в Цетине было сложным, так как он не занимал определенную должность, а выполнял конкретные поручения своего правительства. Только во время аннексионного кризиса 1908 г. Й. Йованович был назначен дипломатическим представителем Сербии в княжестве. Распоповић Р., *Дипломатија Црне Горе 1711-1918*, Подгорица; Београд 1996, 370-371.

14 АВПРИ. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3363. Л.90.

Если русские дипломаты вместе с сербами старались снизить накал враждебности и стабилизировать ситуацию, то австрийские политики, напротив, тщательно раздували скандал, разразившийся между родственниками, стараясь максимально осложнить сербско-черногорские контакты. Посланец Австро-Венгрии барон Кун распускал среди дипломатов, аккредитованных в княжестве, слухи о том, что страны готовы полностью разорвать отношения. Он даже прямо выразил удивление председателю черногорского правительства по поводу того, что Й. Йованович еще не покинул Цетине. Самым трудным в этом кризисе стал момент, когда босниец Джорже Настич в мае 1908 г. дал перед черногорским судом показания, обличавшие сербских руководителей в покушении на жизнь черногорского князя. Настич заявил, что был в числе заговорщиков, узнал их намерения и понял, какой вред может быть нанесен славянским интересам. Поэтому он сообщил черногорской полиции о привезенных из Сербии бомбах и о подготовке покушения. На этом судебном заседании присутствовал секретарь российской миссии Е.Ф. Штейн. Он сообщил в Петербург, что Настич детально описал изготовление бомб в Крагуевце, назвал множество имен и заявил, что „душой заговора“ был наследник сербского престола. А сам король Петр, якобы, был в курсе всех планов „бомбистов.“¹⁵ В Белграде не просто опровергали такие речи, сербские власти были в ярости. Й. Йованович в этот же день получил приказ покинуть княжество. Князь Никола, по наблюдениям сотрудников российской миссии, вовсе не был смущен размахом обличительных заявлений и отсутствием твердых доказательств. Он притворно повторял российским дипломатам, что противился такому повороту событий и пытался воздействовать на судью, чтобы не допустить публичного выступления Дж. Настича с шокирующими показаниями, но якобы оказался бессилён. Однако Е.Ф. Штейн не скрывал от своего руководства, что князь лицемерит, формально сожалея о скандале и злорадствуя в душе. Реакцию короля Петра на все случившееся В.С. Сергеев, заведовавший в 1908 г. русским представительством в Белграде, описывал совсем иначе. Он сообщал, что король Петр „огорчен и возмущен“ тем, как комментируют в Черногории показания Настича. Этого несостоявшегося революционера в Сербии называли австрийским агентом и провокатором, занимающимся грязной политической интригой, разработанной в Вене.¹⁶ Рос-

15 Ibid. Л. 91, 92-95.

16 Ibid. Л. 95-96.

сийский МИД приступил к тушению разгоревшегося политического пожара. Обоим дворам было официально объявлено, что „случившееся произвело на императорское правительство крайне прискорбное впечатление“. А князю Николе отдельно было выражено „неудовольствие за нарушение международной корректности.“¹⁷

Опытный политик Никола быстро понял, что нужно поскорее закончить слишком опасную игру в разоблачения, пока он не лишился российской материальной поддержки. Господарь формально попросил русских покровителей „о доброжелательном посредничестве в деле восстановления хороших отношений с Сербией.“¹⁸ Вскоре П.В. Максимов и В.С. Сергеев получили из Петербурга указания всеми силами способствовать примирению двух монархов. Однако князь Никола настаивал, что он – потерпевшая сторона и требовал от сербов сделать первый шаг к урегулированию конфликта. Сербское правительство, в свою очередь, выражало благодарность российским дипломатам за посредничество, но выдвигало собственные условия примирения. В Белграде потребовали отправить в отставку главу правительства Черногории Л. Томановича, который меньше всех был виноват в том, как протекали слушания дела о бомбах в черногорском суде. Конечно, он был всецело предан князю Николе, но обладал здравым смыслом. Поэтому в качестве главы кабинета решительно протестовал против того, чтобы председатель суда позволял Настичу делать столь опасные заявления, и даже грозил уйти в отставку, если к его мнению не прислушаются.¹⁹ Е.Ф. Штейн насмешливо написал об условии сербов: „...Не имея возможности требовать отставки самого князя, сербское правительство требует ее в лице Томановича.“²⁰ Сотрудники российской миссии считали Л. Томановича образованным, спокойным и миролюбивым человеком, старавшимся не допустить чрезмерных политических преследований в собственном отечестве и никогда не проявлявшим недоброжелательства в отношении Сербии. Никто в серьез не принимал требование снять его с поста председателя княжеского правительства. В конце концов, утомленный перепалкой Белграда и Цетиня, российский министр иностранных дел А.П. Извольский решительно потребовал, чтобы обе стороны сбавили тон, перестали взаимно обвинять друг друга и „предали прошлое

17 Ibid. Л. 99-100.

18 Ibid. Л. 97.

19 Ibid. Л. 11-112.

20 Ibid. Л. 128.

забвению“. Князю Николе пришлось первым пойти на уступки. По настоянию российских дипломатов в июле 1908 г. он отправил королю Петру поздравительную телеграмму. Правда, в Белграде ее сочли „сухой“, но, в общем, были удовлетворены. Через своего представителя в Петербурге сербы дали понять, что готовы принять у себя черногорскую делегацию и обсудить спорные вопросы. Министр иностранных дел королевства М. Милованович выступил в Народной скупщине с докладом, в котором отметил, что поведение Сербии в конфликте тоже не было безупречным. Министр считал, что сербы слишком страстно и несдержанно обсуждали события в Черногорском княжестве, забыв, что оно, „хоть и сербская страна, но самостоятельное государство.“²¹ Русские дипломаты фиксировали все признаки наметившейся нормализации двухсторонних официальных отношений. И задним числом признавали, что допустили просчеты в своей посреднической миссии. Российский поверенный в делах в Белграде Б.Н. Евреинов считал, что чрезмерное внимание к подробностям сербско-черногорской ссоры только распяляло участников конфликта, подталкивая их к взаимным демаршам. Чем больше российские руководители старались помирить правящие круги княжества и королевства, тем более шумные политические заявления делали славянские партнеры, предъявляя друг другу невыполнимые требования. Сотрудник нашего представительства пришел к выводу, что будет лучше, если российская дипломатия перестанет так чутко реагировать на сербско-черногорские разногласия. Тогда официальные круги обеих стран скорее осознают нелепость своих претензий. Евреинов предлагал не торопить события, „предоставив это дело течению времени.“²² Если у дипломатов уже сложилось понимание, как нужно закончить неприятный инцидент, то монархи не торопились отступить, упорствовали в своих обидах и не хотели исправлять допущенных ошибок. Е.Ф. Штейн писал в августе 1908 г., что сербский король Петр и черногорский князь Никола „всеми силами ненавидят друг друга и исполнены по отношению друг к другу самого неизлечимого недоверия.“²³ Секретарь русской миссии скорее сочувствовал черногорскому правителю. Он считал, что белградские газеты действительно слишком злобно писали о Николе, а королевский двор ничего не предпринял, чтобы „одернуть“ прессу.

21 Ibid. Л. 133 об.

22 Ibid. Л. 150.

23 Ibid. Л. 151.

Правда, вскоре нашлось эффективное лекарство от опасной болезни под названием „взаимная ненависть“. Это был аннексионный кризис 1908 г. Действия Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине быстро „помирили“ соперников. Правителям пришлось забыть о настоящих и выдуманных обвинениях, столкнувшись с реальной угрозой на своих границах. В начале сентября 1908 г. управляющий российским МИДом Н.В. Чарыков сообщил в Цетине: „Сербский посланник передал мне вчера содержание телеграммы Миловановича, в коей министр указывает на крайнюю желательность скорейшего улажения возникших между Сербией и Черногорией недоразумений в виду опасностей, угрожающих общесербским национальным интересам...“²⁴ Князь Никола сначала отреагировал на сербскую инициативу недружелюбно. Е.Ф. Штейну, сообщившему о просьбе Белграда, пришлось вытерпеть „объяснение далеко не из приятных“: „Князь страшно вспылел, сказал, что ничего больше о Сербии не хочет слышать...“²⁵ Никола повышал голос, прерывал беседу, устроил, по словам Е.Ф. Штейна, „словесный турнир“, напомнив, что в Сербии продолжают укрываться эмигранты из княжества, а сербские газеты не устают критиковать внутреннюю политику Черногории. Постепенно господарь успокоился и перешел к более деловому тону. В конце концов, он согласился принять в своей столице представителя короля Петра для обсуждения плана совместных действий на Балканах. 7 октября 1908 г. в Черногорию вернулся Й. Йованович. Как сообщал российский министр-резидент, сербский дипломат был встречен „народной овацией.“²⁶ Также эмоционально встречали в Белграде черногорского воеводу Я. Вукотича. На территории Австро-Венгрии в Загребе (по-немецки Аграме) полиция задержала на несколько часов черногорского посланца. Из-за этого в Белграде прошли массовые демонстрации против произвола австрийских властей. Когда же Я. Вукотич добрался до Белграда, „его на руках“ доставили в здание МИД Сербии. Молодежь устроила многотысячный митинг, на котором осудила действия австрийской полиции.²⁷ Во время пребывания черногорского представителя в Сербии королевское правительство изо всех сил демонстрировало желание сотрудничать и высокую степень доверия к княжеству. Я. Вукотич присутствовал на артиллерийских учениях сербской армии, был приглашен на обед к коро-

24 Ibid. Л.157.

25 Ibid. Л. 160.

26 Ibid. Л. 176.

27 Ibid. Л. 177, 178-179.

лю Петру и т.д. С октября 1908 по осень 1909 гг. два государства совместно боролись против пагубных последствий аннексии Боснии и Герцеговины.

Однако потепление было недолгим, осенью 1909 г. случился новый кризис в двухсторонних отношениях, вызванный так называемой „колашинской аферой“. В городке Колашин несколько военнослужащих создали подпольную организацию, намеревавшуюся свергнуть династию Петровичей-Негошей. Князь Никола заявил, что попытка восстания военных в Колашинском округе - это происки сербской камарильи и белградского правительства.²⁸ В княжестве началась очередная волна политических репрессий, пять обвиняемых были расстреляны. Публичные казни стали причиной новых уличных демонстраций в Сербии, в ходе которых действия черногорских властей подверглись категорическому осуждению.²⁹ Подробности протестов в Белграде были хорошо известны правителю Черногории и настроили его на воинственный лад. Поверенный в делах Н.Н. Дьяченко сообщил начальству, что его вызвал князь Никола и поручил передать в Петербург, что он не считает возможным поддерживать доверительные отношения с Сербией. Н.Н. Дьяченко сообщал, что „приложил все усилия, чтобы хоть несколько успокоить его королевское высочество“, но добавлял, что успеха не достиг. „Глубоко досадно и больно, что начавшиеся было улучшаться отношения между Цетином и Белградом вновь грозят вернуться к тому же безобразному положению, в котором они находились весной минувшего года“, - заключал дипломат.³⁰ В свою очередь, Н.Г. Гартвиг постарался сгладить впечатление, произведенное уличными акциями в Белграде. Он передавал оправдания сербских руководителей, что „мальчишеские“ демонстрации устроила радикально настроенная молодежь, которая критиковала не только князя Николу, но и самого короля Петра. По словам дипломата, сербский двор сожалел о случившемся. Министр иностранных дел Сербии М. Милованович выступил в Народной скупщине с призывом не устраивать обсуждений по поводу политических процессов в княжестве, отметив, что „самые жизненные интересы целокупного сербского народа требу-

28 Ibid. Л. 184 об.

29 Н.Г. Гартвиг так описал события в Белграде: „Члены митинга выразили осуждение по поводу варварского режима в Черногории; высказали соболезнование братьям черногорцам, изнывающим под азиатским деспотизмом, протестовали против незаконного осуждения мучеников...“ Ibid. Л.192.

30 Ibid. Л. 191 об.

ют поддержания доверчивых и тесных отношений с Черногорией“. Министру удалось убедить депутатов соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела соседней державы. Одновременно М. Милованович настойчиво просил Н.Г. Гартвига помочь „рассеять неосновательное подозрение князя Николая и убедить его королевское высочество в непричастности сербского правительства к античерногорским манифестациям, значение коих, несомненно, было преувеличено усердием австро-венгерских агентов.“³¹ К инициативам сербской стороны в столице Черногории отнеслись холодно. Й. Йованович поделился с Н.Н. Дьяченко опасениями, что „цетинский кабинет в силу каких-то неизвестных пока побуждений стремится, во что бы то ни стало, довести до полного разрыва с королевством.“³² Также Н.Н. Дьяченко сообщил о недипломатичном поведении итальянского представителя в Цетине, который цитировал слова князя: „Как жаль, что нас разделяет санджак, иначе я бы расправился с Белградом“. Итальянцу не очень поверили, но руководители русского МИДа не могли не замечать нарастающей взаимной неприязни двух монархов. Н.Г. Гартвиг получил предписание „приложить все усилия к скорейшему улажению возникшего недоразумения во имя высших интересов сербства и всего славянства.“³³ Что касается черногорского господаря, то министр иностранных дел А.П. Извольский выразился довольно резко в его адрес: „Отношение князя Черногорского к Сербии по поводу происшедших там демонстраций производит на нас крайне тягостное впечатление. Оно еще усугубляется словами, сказанными князем итальянскому посланнику. Мы уверены, что слова эти, если только они были верно переданы, были выражением минутного раздражения и не допускаем даже мысли о том, чтобы черногорское войско, на преуспевание коего Россия принесла столько жертв, могло быть направлено против братского народа.“³⁴ Поверенному в делах в Цетине предложили „обратить внимание князя Николая на необходимость прекратить непримиримый образ действий по отношению к Сербии“.

Идя навстречу пожеланиям российского руководства, сербский министр иностранных дел сделал еще одно заявление, цель которого заключалась в том, чтобы снизить напряженность в контактах с княжеством. Оно было составлено „в самых хвалебных и почтительных

31 Ibid. Л. 194-194 об.

32 Ibid. Л. 195.

33 Ibid. Л. 196.

34 Ibid. Л. 197.

выражениях“ по отношению к черногорскому князю.³⁵ Сербский посланник в Цетине сообщил главе русской миссии, что Никола „вполне удовлетворен“ этим заявлением. И вдруг открылось новое скандальное обстоятельство. В руках черногорского монарха оказалось некое анонимное письмо из Белграда, в котором сообщалось о намерении убить самого князя, его сыновей Мирко и Петра и еще трех высокопоставленных сановников. После этого господарь заявил, что перестанет обмениваться дипломатическими нотами с Белградом до тех пор, пока не уйдет в отставку председатель сербского правительства Н. Пашич. Также черногорские власти категорически потребовали выслать из Белграда своих соотечественников эмигрантов-оппозиционеров.³⁶ Русские дипломаты пытались вразумить господаря, объясняя ему, что конституционные порядки Сербии не позволят выполнить его требования. Невозможно отправить в отставку с поста главы правительства лидера парламентского большинства. Никаких возражений и разъяснений Никола слушать не хотел. С огромным трудом при помощи русских представительств в Белграде и Цетине удалось договориться об удалении из Сербии нескольких черногорцев. И хотя сербские власти постарались без огласки и внимания газет уговорить черногорских оппозиционеров тихо уехать из страны, снова поднялся шум. В Белграде решительно настроенные против правительства круги яростно критиковали уступку черногорскому двору. В столице Сербии опять прошли демонстрации против князя Николы.³⁷ Сербские газеты продолжали неумеренную критику черногорского двора.³⁸

А.П. Извольский попросил своих сотрудников в Белграде и Цетине точно выяснить, почему так непримиримо настроены правящие круги двух стран, что является истинной причиной их раздора.³⁹ Ответы пришли из обеих столиц. Наиболее обстоятельно написал о разногласиях сербской и черногорской элит Н.Г. Гартвиг. Он назвал внутренние и внешние причины ссор, которые случались подозрительно часто. Недружелюбное отношение князя к Н. Пашичу Гартвиг объяс-

35 Ibid. Л. 201.

36 Ibid. Л. 207.

37 Ibid. Л. 209, 210, 212, 213, 217, 218 и др.

38 Например, в январе 1910 г. по приказу князя в русскую миссию в Цетине доставили сербскую статью под названием „Црногорски књаз као убица“. Ibid. Л. 219.

39 А.П. Извольский писал: „Не могли ли бы Вы сообщить об истинных причинах ненависти князя Николая к Пашичу и о средствах их примирения, а также и о том, что могло подать повод к известию, полученному князем, о готовящемся будто бы покушении“. Ibid. Л. 210.

нял тем, что когда-то, свергая Милана Обреновича, радикалы давали понять, что не возражали бы против Петровичей на сербском престоле, но потом от этих планов отказались. Также повлияла на враждебный настрой черногорского монарха попытка сербского двора составить двухсторонний договор в 1904 г. на свой лад. Еще князь Никола был убежден, что сербы игнорировали интересы Черногорского княжества в вопросе о строительстве Адриатической железной дороги. И наконец, якобы Н. Пашич не оказал должной поддержки планам черногорского правительства заключить очередной заем. Однако более существенными причинами вражды Н.Г. Гартвиг считал внешние факторы: „Нет сомнения, что периодически возникающие сербско-черногорские недоразумения возбуждаются извне, чтобы, с одной стороны, помешать сближению обоих государств, с другой, создать неурядицы в самой Сербии. Того же происхождения анонимные письма, посылаемые отсюда в Цетине. Заговор, конечно, выдумка.“⁴⁰ Н.Г. Гартвиг утверждал, что князь содержит в Белграде свою агентуру, но эти осведомители „систематически вводят его в заблуждение“. Никола доверял их сообщениям, „не подозревая, что они одновременно состоят на службе у австрийских пограничных властей... Очевидно, агенты эти выступают на сцену, как только, по расчетам, Австрии необходимо нарушить мирное согласие обоих государств.“⁴¹ Н.Н. Дьяченко присоединился к этому мнению. Он тоже считал, что кампания против черногорского двора субсидируется из-за границы, и те, кто ее затеял, добились успеха: „У князя и его министров составилось непоколебимое убеждение, что именно сербская радикальная партия, вдохновляемая Пашичем, устраивает заговоры и покушения против государя и его династии...“⁴² Таким образом, стремясь на протяжении многих лет к нормализации сербско-черногорских отношений, российская дипломатия, по сути, противодействовала австрийским замыслам. В Сербии и Черногории столкнулись интересы двух империй. Одна из них стремилась к тому, чтобы балканские правители сотрудничали друг с другом и вместе решали возникавшие проблемы. Другая старалась не допустить сближения балканских элит, чтобы иметь возможность добиваться собственных целей в регионе. Конечно, Россия не была бескорыстным защитником славянских народов. Покровительствуя им, она укрепляла собственные позиции на Балканах. Однако объективно

40 Ibid. Л. 213.

41 Ibid. Л. 217.

42 Ibid. Л. 215.

задачи России более соответствовали нуждам славянских стран, которым необходимо было укреплять собственную государственность. Австро-венгерская политика, напротив, сводилась к тому, чтобы не допускать усиления славянских держав, что давало австрийским властям надежду на расширение за счет соседей.

В 1910 году правитель Черногории сменил тональность заявлений в адрес Сербии. Он замышлял изменения в государственном строе княжества и рассчитывал получить поддержку соседей-славян. Приближался пятидесятилетний юбилей правления Николы. Планировалось пышно отпраздновать эту дату, пригласив как можно больше гостей самого высокого ранга. Тем самым господарь хотел подчеркнуть авторитет своей династии и продемонстрировать внутренним и внешним врагам уверенность в себе. Русские дипломаты воспользовались этим моментом для улучшения сербско-черногорских отношений. Князя убедили написать письмо-приглашение и позвать короля Петра на праздник „в самых сердечных выражениях.“⁴³ Правда, король отказывался ехать в Цетине под благочестивым предлогом. Он якобы перед Богом поклялся никогда больше не пересекать границу княжества, где с ним не всегда обходились корректно. Однако дипломаты не теряли надежды уговорить сербского монарха, пока не стало известно, что во время празднеств будет объявлено о провозглашении Черногории королевством. Причем, в первоначальных планах Николы было объявить себя „сербским королем в Черногории“. Н.Г. Гартвиг подчеркивал в донесении начальству, что „черногорцы никогда не любили называться сербами“, поэтому намерение Николы выглядело как очередной вызов сербскому двору.⁴⁴ Становилось ясно, что появление еще одного короля на Балканах не облегчит, а напротив, осложнит обсуждение всех спорных вопросов. Но следует отдать должное настойчивости сотрудников русских дипломатических служб в Белграде и Цетине. Снова и снова они уточняли позиции двух сторон в предстоящих торжествах, оттачивали формулировки письменных обращений монархов друг к другу, стараясь придать им самый примирительный тон, постоянно напоминали, как важно для всего славянского мира продемонстрировать солидарность двух братских народов, показать, как крепко их связывают кровные узы. Наконец был найден компромисс, благодаря которому белградские правящие круги смогли показать свое внимание к празднику в Черногории, а черногорский

43 Ibid. Л. 229.

44 Ibid. Л. 231.

двор продемонстрировал радушие и дружелюбие к Сербии. В Цетине поехал сын Петра и внук Николы королевич Александр, который привез поздравительное письмо от отца, сербские ордена и щедрый подарок. Членам дома Петровичей-Негошей были присвоены высокие офицерские звания в сербской армии.⁴⁵

В Белграде ревниво следили за тем, как протекал визит Александра, освещая каждую подробность его пребывания у деда. Однако даже настроенные враждебно по отношению к Николе газеты были вынуждены признать, что сербскому принцу оказали самый сердечный прием.⁴⁶ Донесения, отправленные в те дни из русской миссии, подтверждают симпатии и гостеприимство черногорцев. По всей стране народ встречал королевича овациями. Это были искренние манифестации, а не формально организованные знаки внимания. Увы, участие Александра в праздничных мероприятиях не избавило черногорскую камарилью от неприятных новостей. В разгар торжеств в Сербии снова прошли античерногорские акции. 15 августа 1910 г. в Народном театре Белграда шла пьеса Николы „Балканская царица“, на спектакле присутствовал весь дипломатический корпус. Часть зрителей попыталась сорвать представление. „Демонстранты бранными криками и свистками встречали каждое выступление актеров, в особенности фразы, которые могли служить намеком на современные политические обстоятельства. После представления толпа, состоявшая по большей части из молодежи, перенесла беспорядки на улицу и разбила стекла в двух редакциях преданных Черногории газет“, - сообщал своему руководству поверенный в делах в Белграде.⁴⁷ Он считал, что такие эмоции у сербов вызвало именно провозглашение Николы королем. Общественное мнение осудило стремление черногорского правителя повысить свой статус, считая, что это „есть лишь новый шаг по пути столь вредного для всего славянства соревнования династий Негошей и Карагеоргиевичей.“⁴⁸ В России превращение князя Николы в короля тоже было воспринято неоднозначно. В высших кругах и в русских газетах (особенно либеральной направленности), повторялись мысли о том, что от нового титула черногорского правителя будет больше вреда, чем пользы. Многие считали, что конкуренция и претензии на лидерство не усиливают, а ослабляют балканские государства на международной арене. Черногорская элита демонстри-

45 Ibid. Л. 237.

46 Ibid. Л. 239 об., 241.

47 Ibid. Л. 233-234.

48 Ibid. Л. 234.

ривала нечувствительность к подобного рода упрекам. Российскому руководству оставалось только официально заявить, что заслуги Николая Петровича в деле освобождения славян от османского ига дают ему право называться королем. Публично поздравляя новоиспеченного короля, между собой высокопоставленные чиновники России высказывали сожаление по поводу такого поворота событий. Они считали, что соперничество династий будет только нарастать. История участия сербов и черногорцев в войнах 1912-13 гг. и в Первой мировой войне подтвердила эти опасения. Не раз в разгар военных действий вспыхивали острые разногласия между двумя дворами. Но эта тема должна быть предметом отдельного исследования.

Подводя итог, следует отметить и заслуги, и неудачи российских дипломатов, выступавших на протяжении многих лет посредниками в непростых сербско-черногорских отношениях. Успехом можно считать то, что на каждом витке сербско-черногорского противостояния МИД России удавалось предотвратить самый нежелательный сценарий – полный разрыв дипломатических отношений двух славянских стран. Такой разрыв мог существенно повлиять на расстановку сил на Балканском полуострове и ослабить позиции России в этом проблемном регионе. Неудачей следует назвать то, что примирить соперничающие династии русским кураторам так и не удалось. Враждебность двух дворов не только не шла на спад, но временами принимала гротескный характер. Уделяя чрезмерное внимание обидам и требованиям правителей Сербии и Черногории, официальные круги Российской империи получали прямо противоположный своим намерениям результат. Вместо затухания, ссоры разгорались и постоянно грозили необратимыми последствиями. Так и хочется сравнить российских политиков с хлопотливой тетушкой, которая решила, во что бы то ни стало, помирить подравшихся племянников. Внимание России только раззадоривало камарилью обеих стран. Слишком суется вокруг монархов Сербии и Черногории – правителей небольших государств, Российская империя подпитывала их амбиции и повышала их самооценку. Своими чрезмерными заботами она давала повод думать, что от них многое зависит в международной политике, особенно на Балканах. В реальности же, не только славянские государства, но и сама огромная Россия не была свободна в своих действиях в регионе. Она должна была проявлять предельную осторожность и постоянно учитывать позицию других европейских держав. Европейские правительства прислушивались к мнению России, но совсем не были готовы считаться с мнением правителей славянских земель.